

ПЕРСОНА

ЭДУАРД ТАТЕВОСЯН:

Я ученик великого Когана

Он относится к тем музыкантам, которые в неизбежные для творческого человека периоды неудовлетворенности, недовольства собой всегда могут утешиться чтением похвальных слов в свой адрес. Ведь за 30 лет исполнительской деятельности их было сказано превеликое множество. Что, по логике, должно остаться от дискомфорта, если человек сам про себя узнает следующее: "...одарен, поразительно талантлив, в совершенстве владеет инструментом, имеет блестящую технику, виртуозно проводит солирующие партии, музыкант высокого класса" и т.д.? И везде, в любой стране мира, где бы ни выступал Эдуард Татевосян, будь то с сольными концертами или вместе с Квartetом имени Комитаса, его сопровождали сплошные "бис" и "браво". Хотя такой мажор восприятия никогда не воодушевлял его настолько, чтобы на подъеме прожить следующий интервал. Вот и сейчас, на пороге своего полувекового юбилея, первая скрипка старейшего, известного во всем мире квартета, лауреат международных конкурсов, профессор Ереванской консерватории оценивает пройденный отрезок времени весьма скромно: "Что-то сделано. Много или мало — не знаю. Но самое главное — впереди полная неопределенность". Он не скрывает, что питает ностальгию по прошлому, по бурной гастрольной жизни, когда общение с коллегами из разных стран и особенно — республик бывшего Союза воспринималось как нечто само собой разумеющееся.

Музыканту нужен широкий круг слушателей, он не может работать для себя. Сегодня мы почти не знаем, что происходит в музыкальном мире. Хочется, к примеру, сыграть что-то украинское, белорусское. Увы, нет! Кто должен заниматься всем этим? Вероятно, Союз композиторов. Большие надежды я возлагаю на нового министра культуры Армена Смбатяна. Отрадно, что возобновилась работа армянской филармонии.

Что до гастролей, то Квartet Комитаса все еще знают и помнят в мире. Поэтому и приглашения — не редкость. Правда, воспользоваться ими не всегда удается.

Его невероятно корбит, что обстоятельства подчас вынуждают творческого человека заниматься несвойственным ему делом: брать на себя функции то администратора, то менеджера... Сам он, несмотря ни на что, и не пытается проявлять предпримчивость, скажем, заботиться об обеспечении зала. Ведь сегодня переполненный зал — это чаще всего итог отнюдь не творческих усилий самих артистов.

— Да я и не вправе вынуждать кого-либо два часа кряду слушать серьезную музыку. Я должен быть уверен, что человек сидит в зале не приличия ради.

Сольные концерты квартета в последнее время довольно редки. Ситуация: то холод — репетировать возможно, то не сезон, не исчерпана и по сей день. Плюс к тому и трудный жанр — так ведь принято говорить о квартете, когда каждый инструмент на слуху. Впрочем, надо полагать, легких жанров в природе искусства, музыки, в частности, просто не бывает.

— Для того чтобы существовали квартеты, камерные и симфонические оркестры, необходима соответствующая подготовленная публика. И готовить слушателя надо с малых лет. В этом смысле филармония школьника была даром не глупой затеей. А квартет (я всегда говорил и на этом настаиваю) — еще и эли-

тарный жанр. К тому же вымирающий...

О квартете Эдуард Татевосян может говорить часами, вспоминая с признательностью его создателей — прекрасных музыкантов Авета Габриэляна и Сергея Асламазяна, которые в далеком 1924-м основали этот коллектив. Вначале его называли квартетом выдвинутцев Московской консерватории. В Армению в те годы они приезжали как бы на гастроли. Но впоследствии армянское правительство включило квартет в структуру национальной филармонии и присвоило ему имя великого армянского композитора Комитаса. В первом же конкурсе камерных ансамблей в Москве комитасовцы поделили первую премию с Квartetом Большого театра.

Эдуард Татевосян пришел в этот коллектив в конце 1969 года.

— Я заменил Рафаэла Давидяна, второго скрипача (увы, он был последним из могикан, который в этом году ушел из жизни). Имел удовольствие работать и общаться с замечательнейшим альтистом Генрихом Талаляном. Быть второй скрипкой, когда первая — Авет Габриэлян, невероятно сложно. 7 лет, которые я провел рядом с ним, стали для меня огромной школой. Ты мог часами репетировать, готовиться, но на сцене учитель мог видеть совершенно иное. А ты должен был моментально включиться, словом, быть его продолжением. Это — в лучшем случае. В худшем — хотя бы не мешать. А он по сути своей не мог довольствоваться лишь тем, что ему не мешают. Но одновременно с ним было очень легко: он никогда не подавлял. Более того, всегда заставлял солировать. "Что вам стоит, — часто обращался он ко мне, — выучить 24 каприса Паганини и сыграть?"

В первые годы, после того как я заменил Авета Карповича, меня часто посещала тоска по тем временам, когда я рядом с ним играл вторую скрипку.

Престиж, громкое имя квартета очень долго довели над новым составом музыкантов. При-

ходило постоянно доказывать, что современные комитасовцы по праву занимают места своих прославленных предшественников. Конечно же, это было крайне непросто. На вопрос — не жалеет ли он, что всю свою жизнь связал с квартетом, — Эдуард Татевосян не смог ответить однозначно.

— Возможно, как солист я мог бы сделать намного больше. Да и сейчас еще не поздно, но квартет — это, наверное, диагноз.

Его неуверенность идет от убежденности, что за квартет должны болеть не только сердца четырех. И сам жанр, и артисты с такой степенью преданности, считает он, заслуживают большего внимания. А у прославленного квартета до сих пор нет даже своего помещения для репетиций.

— В конце концов надо определиться, нужен нам квартет или нет. Ведь каждый из музыкантов мог бы в отдельности давно устроить свою судьбу. Мы же не требуем райской жизни, дворцов... И я бы очень не хотел, чтобы Квartet Комитаса из-за рубежа приезжал в Армению на гастроли и удостоивался оваций лишь потому, что он — оттуда. Пока же свою нужность мы больше ощущаем за границей.

Эдуард Татевосян не считает себя лидером. Тем не менее для своих студентов он не меньший авторитет, чем когда-то в Московской консерватории для него был Коган.

— Я очень многим обязан Московской консерватории. И всегда с особой нежностью вспоминаю эти годы. С огромной благодарностью вспоминаю декана оркестрового факультета Татьяну Гайдамович. Без ее поддержки, дружеского участия мне, человеку не очень дисциплинированному, молодому и горячему, трудно было бы получить полноценное образование. В те годы в Московской консерватории учились Владимир Спиваков, Виктор Третьяков, Наталия Гутман, Олег Каган. И мне невероятно повезло, что Леонид Коган взял меня в свой класс. Играть у него — означало достичь какой-то спрессованности мозга и чувств. С одной стороны, он не любил чрезмерно эмоциональную игру, с другой — его раздражала и сухая, формально-профессиональная игра. Нужен был баланс: академичность в исполнении и не чувственность, нет, но эмоциональность в хорошем смысле.

Судя по всему, Эдуард Татевосян неплохо усвоил уроки Когана. Приведу лишь небольшую цитату. "В игре артиста доминируют логическое мышление и естественность, покой и сосредоточенность. Она лишена внешних смакований. Музыкант высокого вкуса, Татевосян — достойный ученик великого профессора Леонида Когана", — писала пресса.

— Очень часто я подхожу к портрету Когана, который висит у меня в кабинете, и смотрю на его руки. Понимаете — это учебное пособие, что-то литое, ощущение, словно скрипка — продолжение его естества. Часто говорят: "Родился со скрипкой в руках". Я бы сказал, скрипка родилась с Коганом вместе.

Беседу вела
Наира МАНУЧАРОВА